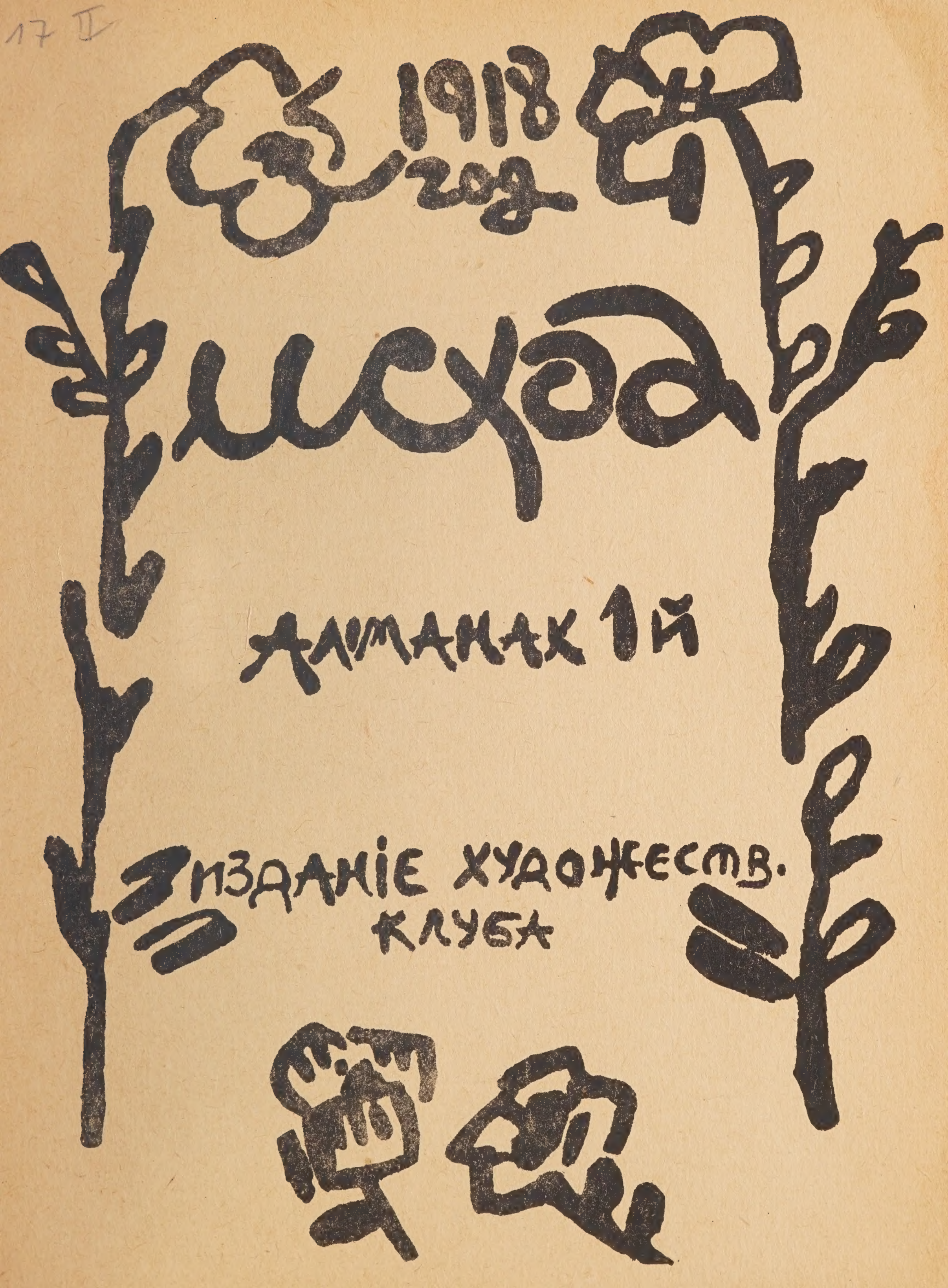
ИСХОДЪ

1918

17 II
1918 год
Исход
Альманах 1й
Изданiе художеств.
клуба

Художественный Клубъ, лишенный возможности въ настоящее время обособить группу ИМАЖИНИСТОВЪ (Анатолій Маріенгофъ, Иванъ Старцевъ, Виталій Усенко), предоставилъ имъ мѣсто въ органѣ своего большинства. За нарушенную отъ этого цѣльность, въ предлагаемомъ читателю матеріалѣ, Худож. Кл. заранѣе приноситъ свои глубокія извиненія.

СОДЕРЖАНІЕ:

Обложка работы художника **Виталія Усенко**.

Эпилогъ.

Страстей человѣчьихъ Вавилонъ
Въ столпотвореньи
Наружи:
Рухнулъ!

И день теперь уже
Не день,
А какъ беременный онъ
Отъ событій
Вспухъ.

Души исполнены:
Молній!
Въ свалку—
Валомъ
Нагромоздились громы.

. . . .
Или еще мало
Вамъ!
Кто мы?

1918 г.

ИВАНЪ СТАРЦЕВЪ.

* * *

Маринованное сердце мое
На блюдѣ, —
Передъ вами...
Лопайте, прожорливые люди,
Великую дань.

1918 г.

Казнь.

Вотъ:

Подъ сѣкирой—

Глаза на выкатѣ...

Вотъ:

Въ рубищахъ кровавыхъ зорь

Изошелъ!..

Склоняйтесь музы и хныкайте

На траурныхъ лирахъ,

А ты, легковѣйный Эолъ,

Имъ вторь.

1917 г.

* * *

Плутъ я
Тебѣ лгалъ
Прежде,
Минутами
Притворяясь нѣжнымъ.
Опоражнивалъ уста,
Припадалъ къ грудямъ
По инерціи,—
И у ногъ
Затихалъ,
Какъ двурогій богъ
Съ романтическимъ сердцемъ.

1917 г.

* * *

Люблю, лукавый рабъ
Причудливую
Землю.
Вросъ
Глазами въ наливныя груди
Бабъ.
И въ другія сласти!
. . . .
Нѣтъ, мудрости твоей Христосъ
Не пріемлю
Причастье.

1916 г.

* * *

Въ зефирѣ плавающій плодъ—
Твои нагофренныя груди,
И твой, пружинящій животъ
Кладу на жертвенникъ прелюдій.

Вскипитъ пусть гнѣвный дирижеръ
Отыскивая лейтъ-мотивы!
И станетъ, вдругъ, похожъ твой взоръ
На двѣ раздавленныя сливы.

1917 г.

Иванъ Старцевъ.

Господинъ Бѣловодовъ.

I.

У самого чорта на куличкахъ жилъ господинъ Бѣловодовъ. Мѣсто такое—что упаси Боже. Къ крутящей, оползлой горѣ прилѣпились домики: А какъ прилѣпились, хоть убей, понять до сей поры не могу. Того гляди: съѣдутъ, свалятся въ овраги, въ рѣку. И обитатели домиковъ тожэ. въ овраги, въ рѣку. А господину Бѣловодову—хоть-бы что. Смѣлые есть люди на бѣломъ свѣтѣ. Горя имъ мало,—путешествіе къ праотцамъ, пожалуй, сочтутъ еще за увеселительную прогулку.

Жилъ господинъ Бѣловодовъ у черта на куличкахъ (офиціальное названіе ихъ было: Устинскій съѣздъ) седьмой годъ. Занималъ комнату въ домикѣ госпожи Прохоровой. Госпожа Прохорова была женщина славная во всѣхъ отношеніяхъ. Можетъ-быть потому-то и жилъ господинъ Бѣловодовъ у черта на куличкахъ въ домикѣ госпожи Прохоровой седьмой годъ. А можетъ быть и еще почему-либо.

Комнату занималъ онъ чердачную или, правильнѣе сказать, мезонинную. Какъ ни аккуратна была госпожа Прохорова, какъ ни слѣдила за порядкомъ въ помѣщеніи жильца своего, какъ ни разставляла по полочкамъ, столамъ и поддаконникамъ стопками ровненькими—грудами повсюду наваленныя книги. хаосъ тамъ царилъ неописуемый. И вся бѣда шла отъ книгъ, конечно. Охъ, ужъ эти ей, госпожѣ Прохоровой, книги!

II.

Чѣмъ занимался господинъ Бѣловодовъ не сказала-бы вамъ съ увѣренностью самая, что ни на есть любопытная кумушка нашего Устинскаго съѣзда. А уже на что доподлино извѣстна была устинскимъ кумушкамъ вся поднаготная каждаго обитателя и обитательницы злополучнаго съѣзда. А тутъ, видите-ли, да-же сама госпожа Прохорова, на вопросы касающіеся рода занятій своего жильца, только руками разводила.

А дѣло у господина Бѣловода, съ несомнѣнностью сказать можно, какое-то было,—т. к. не разъ видѣли, какъ часиковъ въ семъ вечера стремительно сбѣгалъ онъ съ крылечка домика госпожи Прохоровой, и стремительно несся, помахивая рыженькимъ портфельчикомъ, вверхъ куда-то по Устинскому съѣзду.

Строились всякаго принелѣпѣйшаго свойства предположенія о цѣли таковыхъ дѣловыхъ прогулокъ господина Бѣловодова, (а что дѣловыя онѣ были за это говорилъ съ достаточной ясностью рыженькій портфельчикъ, которымъ онъ съ такой безцеремонностью, словно на зло Устинскимъ кумушкамъ, размахивалъ) и договаривались до того да-же, что ходитъ онъ на какія-то безусловно продосудительныя собранія, а въ рыженькомъ своемъ портфельчикѣ носитъ бумажки пакоснаго самаго свойства,—чуть-ли не прокламаціи. Хотя, спросите, чего только не говорили и до чего только не договаривались кумушки нашего Устинскаго съѣзда.

III.

Знала хорошо госпожа Прохорова, что не только много читаетъ господинъ Бѣловодовъ, о чемъ свидѣтельствовали груды книгъ въ его комнатѣ (всякій разъ при уборкѣ приводившія ее въ такое отчаяніе), но что чуть-ли не еще больше, пишетъ онъ, (объ этомъ уже свидѣтельствовали вороха бумагъ исчерченныя ровными столбиками словъ, пригнанныхъ одно къ одному съ отмѣнной разсчетливостью).

И такъ, оказывается, что господинъ Бѣловодовъ, занимался писаніемъ стиховъ. Отнюдь хотя это не значитъ еще, отъ себя замѣчу, что былъ поэтомъ господинъ Бѣловодовъ. Но... симъ внезапнымъ открытіемъ, мы не подошли ближе къ вопросу седьмой годъ занимающему нашихъ Устинскихъ кумушекъ—ибо: писаніе стиховъ не есть дѣло въ томъ смыслѣ въ какомъ принято понимать слово это, весьма тягостное по своему значенію для лодырей,—тѣмъ болѣе такихъ стиховъ которые никогда и никѣмъ не печатаются. А не печатали ихъ потому, можетъ быть, только, что господинъ Бѣловодовъ, по робости своего характера, никогда не рѣшался отнести вирши свои, переписанныя аккуратно ровными столбиками, ни редактору нашего провинціальнаго «Листка», ни отослать въ редакціи столичныхъ журналовъ. Господинъ Бѣловодовъ писалъ стихи для себя исключительно, такъ, по крайней мѣрѣ, всячески старался онъ думать.

IV.

Уткнувшись въ книгу сидѣлъ господинъ Бѣловодовъ, когда не постучавшись вошла къ нему госпожа Прохорова (на что, думается, имѣла она право). Господинъ Бѣловодовъ недовольно оторвался отъ книги, но взглянувъ на госпожу Прохорову сразу понялъ (отчего, будто, даже губы его нервно подернулись), что собирается она сей часъ сообщить ему нѣчто изъ ряда вонъ выдающееся—такъ лицо ее было торжественно и торжественность во всей фигурѣ такая была. Дѣйствительно не ошибся господинъ Бѣловодовъ,—губернатора (при словѣ губернаторъ въ лицѣ измѣнился господинъ Бѣловодовъ—такой страхъ наводили въ свое время на обывателей ихъ превосходительства) и такъ: губернатора...

Госпожа Прохорова при этомъ сѣла и стала разсказывать со всѣми подробностями (тѣмъ и отличались обитатели Устинскаго съѣзда отъ другихъ обитателей нашего города, что все знали они: со всѣми подробностями,—кромѣ вотъ одного: чѣмъ занимается господинъ Бѣловодовъ),—какъ у самыхъ дверей Дворянскаго Собранія двое какихъ-то, Его Превосходительство, г-на губернатора изъ браунинговъ въ упоръ... А сами: какъ въ воду канули.

V.

Вчера часовъ въ восемь вечера стремительнѣе обыкновеннаго сбѣжалъ господинъ Бѣловодовъ съ крылечка домика госпожи Прохоровой и стремительнѣе обыкновеннаго понесся, на ходу размахивая рыженькимъ своимъ портфельчикомъ, (конечно носилъ онъ его на зло нашимъ Устин-

скимъ кумушкамъ (подумаешь, шишка какая, не могъ, въ самомъ дѣлѣ, таскать паршивенькія бумажки свои въ карманахъ пальто, то-же, кстати сказать, достоинства не весьма высокаго)—вверхъ куда-то по Устинскому съѣзду.

Вернулся домой поздно онъ и когда, по обыкновенію, совсѣмъ легко одѣтая (чтобы не сказать больше) зашла госпожа Прохорова провѣдать своего жильца, застала его сидящемъ на столѣ среди книгъ, грудами наваленныхъ, съ физіономіей чумазой совершенно (лампа коптила, навѣрное, уже Богъ знаетъ сколько времени), съ глазами безсмысленно уставившимися въ одну какую-то точку, что находилась гдѣ-то четверти на двѣ надъ косякомъ приблизительно.—И что, спрашивается, только въ ней, въ точкѣ т. е. той, нашелъ онъ интереснаго?

VI.

... а тѣхъ, въ воду канувшихъ, что Его Превосходительство, господина губернатора у дверей Дворянскаго Собранія въ упоръ изъ браунинговъ, черезъ три дня жандармы сцапали на станціи „Совки“, что въ ста семидесяти верстахъ отъ нашего города.

И подумайте только, сцапали въ тотъ моментъ когда тѣ, въ благодушнѣйшемъ настроеніи съ аппетитомъ уписывали за обѣ щеки, какъ говорится, поросенка съ гречневой кашей. Послѣднее, положительно, ни какъ не умѣщалось въ почтеннѣйшихъ головахъ почтеннѣйшихъ обитателей нашего Устинскаго съѣзда:—Его Превосходительство, господина губернатора изъ браунинговъ и... поросенка съ гречневой кашей, да еще съ аппетитомъ и за обѣ щеки!..

VII.

... а еще черезъ нѣсколько дней, старый—старый караульщикъ Матвѣй, что лѣтъ уже сорокъ какъ, охраняя обитателей Устинскаго съѣзда отъ всякой нечисти, отколачивалъ въ свою колотушку,—набрелъ на непрезентабельно,—у крыльца домика госпожи Прохоровой, въ взрыхленной снѣжной кучѣ,—валявшагося господина Бѣловодова. Сначала было, послѣ не приведшихъ ни къ чему расталкиваній и уговоровъ, Матвѣй рѣшилъ, что господинъ Бѣловодовъ, какъ это ни ново для него—пьянъ мертвецки, но скоро, кое-какъ, при слабенькомъ дрожжащемъ огонькѣ спички, своими подслѣповатыми мышиными глазками разглядѣвъ вокругъ господина Бѣловодова, на взрыхленномъ свѣжемъ снѣгѣ, багровыя круги—пришелъ онъ къ иному, не ложному уже заключенію... Портфельчикъ рыженькій раскрытымъ валялся тутъ же.

Обитатели, а кумушки нашего Устинскаго съѣзда въ особенности, толкуя на всѣ лады прискорбное сіе событіе и сопостовляя для чего-то его съ двумя ранѣе происшедшими событіями, о которыхъ упомянуто выше вскользъ было, договорились, въ концѣ концовъ, до того—что господина Бѣловодова...

Хотя—о чемъ только не говорили и до чего только не договаривались наши, Устинскаго съѣзда, кумушки!—и, какъ ранѣе авторъ (не будучи самъ отъ природы сплетникомъ) не считалъ нужнымъ о всѣхъ пересудахъ ихъ докладывать читателю, такъ и теперь (со спокойной совѣстью и чуть-ли не съ чувствомъ исполненнаго долга по отношенію къ доброй памяти своего героя) умолчитъ о тѣхъ нелѣпыхъ выводахъ къ какимъ, разбирая по косточкамъ сіе прискорбное событіе, пришли наши Устинскія кумушки.

С. Стоговъ.

КИНЪ

* * *

Уму любезныя высоты,
Гдѣ ни меня, ни воли нѣтъ,
Гдѣ плоскости простой заботы
Не бороздитъ мой тяжкій слѣдъ;
Страстей привычныя низины—
Съ изжитымъ скарбомъ старыхъ словъ,
Вдали—дрожащія трясины
Бездумныхъ старческихъ годовъ;
Потомъ—итоги жизни хилой—
Въ мгновенныхъ мысляхъ мудреца,
Который даже надъ могилой
Выводитъ слѣдствія конца.

* * *

Я сталъ небольшимъ и покорнымъ,
Какъ нищіе въ этомъ краю:
Всю ночь надъ пылающимъ горномъ
Качаясь стою.
Я понялъ, что вѣчность надъ горномъ
Необычайно проста
И въ небѣ безбожномъ и черномъ
Не будетъ больше креста...

* * *

Листамъ изсохшей древней книги
Подобны прожитые дни,
Гдѣ тѣни всѣхъ моихъ религій
Хранятъ затухшіе огни...
Но—снова мы съ тоской одни—
Влачимъ звенящія вериги.
Зарытый,—вѣдь не буду вырытъ;
И станетъ міръ еще пустей...
Я новыхъ думъ боюсь, какъ Иродъ
Рождающихся жить дѣтей...
Но и въ быломъ я на крестѣ—
Подъ плачъ моихъ вдовицъ и сиротъ.

Борисъ Виргакскій.

Декабристъ.

Тому свидѣтельство языческій сенатъ:
Сіи дѣла не умираютъ!
Онъ раскурилъ чубукъ и запахнулъ халатъ,
А рядомъ въ шахматы играютъ.

Честолюбивый сонъ онъ промѣнялъ на срубъ
Въ глухомъ урочищѣ Сибири,
И вычурный чубукъ у ядовитыхъ губъ,
Сказавшихъ правду въ скорбномъ мірѣ.

Бывало, голубой въ стаканахъ пуншъ горитъ;
Съ широкимъ шумомъ самовара
Подруга рейнская тихонько говоритъ,
Вольнолюбивая гитара...

Шумѣли въ первый разъ германскіе дубы...
Европа плакала въ тенетахъ...
Квадриги черные вставали на дыбы
На тріумфальныхъ поворотахъ...

Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства.
Но жертвы не хотятъ слѣпые небеса.
Вѣрнѣе трудъ и постоянство!

Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодѣя,
Все перепуталось—и сладко повторять:
Россія, Лета, Лорелея!

1917 г. Іюнь. *О. Мандельштамъ.*

Карьера мистера Н.

(Вздорный разсказъ въ двухъ главахъ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Домъ, въ которомъ такъ аккуратно строился карточный домикъ карьеры мистера Н, въ качествѣ солидной банкирской конторы, украшалъ центръ одного большого—большого города.

Мистеръ Н въ солидной банкирской конторѣ былъ клеркомъ.

Это мистеръ Н сидѣлъ около той готическаго типа рыжей конторки, изъ-за которой голымъ черепомъ поблескивалъ бухгалтеръ; это мистеръ Н, изо дня въ день, сливалъ свои собственные звуки съ чужими звуками тѣхъ клерковъ, которые не были мистерами Н; это онъ монотонно: вливалъ и цоканье своего пера о свою чернильницу—въ стрекотанье всѣхъ чужихъ цокающихъ перьевъ и чернильницъ; и чирканье своего заѣзженнаго пера по дѣвственнымъ ланитамъ очередной вѣдомости—въ шипѣнье всѣхъ чужихъ чиркающихъ перьевъ о столь же дѣвственныя ланиты...

Это было его первое Я.

Былъ онъ и поэтомъ, и не просто поэтомъ, а поэтомъ безплоднымъ; но и это еще не все...

Здѣсь пора выяснить одно интригующее обстоятельство: если мистеръ Н былъ поэтомъ,—онъ долженъ былъ имѣть свою музу. Муза у него, конечно, была: музой его была...

Вспомните и догадайтесь: нечаянно или предопредѣленно мистеръ Н, сидя противъ лысоголоваго бухгалтера, своимъ перышкомъ о свою же чернильницу поцокивалъ монотонно совсѣмъ рядомъ съ гологоловымъ бухгалтеромъ?..

Еще не ясно?.. А если авторъ проболтается о томъ, что—въ былые дни—ровно въ два часа полдня,—когда изъ солидной банкирской конторы другъ за другомъ—гуськомъ выходили учтиво-безлицые клерки,—мистеръ Н выходилъ послѣднимъ, и не одинъ, а со стеклоухимъ бухгалтеромъ, чтобы, выйдя,—вмѣстѣ же ринуться въ омнибусъ..

А?.. Что?.. Догадались?..

Ну, да конечно...

У бухгалтера была дочь.

Миссъ Мери была очаровательнѣйшей въ мірѣ (но, конечно, не вообще въ мірѣ, а въ «мірѣ, какъ представленіи» мистера Н), была прелестнѣйшей въ мірѣ дѣвушкой,—и поэтому—она же была и музой.

Миссъ Мери была музой мистера Н,—но мистеръ Н для миссъ Мери былъ только женихомъ; и лишь поэтому ея игрушечные пальчики такъ старательно помогали строить карточный домикъ карьеры мистера Н; только поэтому ея цѣпкіе пальчики такъ крѣпко впивались въ отвороты вьутюженнаго сюртучка мистера Н при обидномъ для дѣвичьихъ чувствъ разставаньи; и, наконецъ, только поэтому ея идіотскіе пальчики такъ равнодушно царапали безплодную душу влюбленнаго поэта...

Каждый день, въ тѣ минуты, когда, то подходила къ мистеру Н, то уходила отъ него срекотня всѣхъ чужихъ клерковскихъ счетовъ,—когда и самъ мистеръ Н, бывало, пробарабанивалъ на счетахъ аршинныя полосы цыфръ; въ тѣ минуты, которыя приходили гуськомъ, другъ за дружкой, и ползли, какъ черепахи,—въ эти минуты—пепломъ разсыпался проэктъ карточнаго домика въ головѣ мистера Н; и подходили галлюцинаціи. .

Чей-то визгливый хлыстъ видѣлъ мистеръ Н; видѣлъ дрожащій въ воздухѣ хлыстъ; слышалъ оглушительное хлесткое щелканье...

Больше ничего интереснаго не видѣлъ онъ въ эти минуты,—но душа его продолжала воображать: и ножки въ лиловомъ трико на танцующей лошади, и смятыя корсетомъ груди, и блеклый туманъ голубѣющаго газа,—и даже глаза: мистеръ Н былъ поэтомъ.

Муза поэтично-влюбленнаго клерка можетъ, конечно, жить на улицѣ, на которой всѣ дома съ номерами, и только одинъ номеръ относится къ музѣ непосредственно, реализуя ея земной адресъ; но муза поэта имѣть собственный номеръ не можетъ: музы поэтовъ обитаютъ у поэтовъ же на квартирахъ; и понимать это надо не въ какомъ-нибудь, вообще, тривіальномъ значеніи,—ибо: музы поэтовъ обитаютъ у поэтовъ же въ душахъ.

Поэтому—авторъ считаетъ вполнѣ неприличнымъ поведеніе тѣхъ изъ читателей, которые, самонадѣянно забѣжавши впередъ, теперь уже сидятъ въ какомъ-нибудь балаганѣ, умильно зря на лиловыя ножки прельстительной музы поэта мистера Н...

Музы такой пока еще нѣтъ ни въ какомъ балаганѣ...

Душа мистера Н имѣла оригинальное свойство: всякія умныя вещи дѣйствовали на нее точь-въ-точь такъ же, какъ на нѣкоторыхъ лоботрясовъ дѣйствуютъ красивыя женщины; но, конечно, авторъ не хочетъ этимъ сказать, что передъ визитами умныхъ мыслей мистеръ Н мѣнялъ воротнички...

Дѣло, конечно, не въ женщинахъ, а въ томъ, что—

И философіи надмірные бураны
Легли въ душѣ его снѣжинками тоски...

Какъ всякій благовоспитанный молодой человѣкъ, мистеръ Н не думалъ о себѣ чего-нибудь особеннаго,—ибо: ежели скромность украшаетъ женщинъ,—почему та же скромность не можетъ украшать мужчинъ?.. О томъ, что скромность украшаетъ,—мистеръ Н зналъ великолѣпно и, слѣдовательно,—самоукрашался, что—несомнѣнный минусъ; но минусъ не передъ всѣмъ мистеромъ Н, какъ передъ числомъ отрицательнымъ,—а лишь передъ его малюсенькой игрой въ добродѣтельность...

Какъ всякій благовоспитанный молодой человѣкъ, мистеръ Н не думалъ о себѣ чего-нибудь особеннаго—но какъ философъ (съ греческаго: какъ любитель мудрости), мистеръ Н думалъ о себѣ много, и даже слишкомъ много, совсѣмъ лишняго...

Подумайте: въ своихъ ночныхъ философствованіяхъ (не удивляйтесь, если авторъ говоритъ: въ ночныхъ... Вѣдь мистеръ Н былъ поэтомъ: а развѣ поэты ночью спятъ?...) въ своихъ ночныхъ филосовствованіяхъ мистеръ Н даже забывалъ, что онъ мистеръ Н,—и называлъ себя не мистеромъ Н, а субстанціей; затѣмъ, мистеръ Н забывалъ о конторѣ, конторкѣ (съ бухгалтеромъ), о карточныхъ домикахъ, даже (ну подумайте...) даже о главѣ всѣхъ карточныхъ домиковъ; забывалъ о всѣхъ этихъ крайнѣ значительныхъ вещахъ, чтобы обдумывать обычно безплодныя свои бредни: что есть земля и какъ она вертится, что есть безконечность, рожденіе, жизнь, и даже (не угодно ли...) даже—смерть...

Вотъ что значитъ—философія... А вы говорите: наука...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кошмарная ночь...

Поблескивая своимъ пепельнымъ саваномъ и сѣдинами плѣсени на коричневомъ черепѣ, заколыхался передъ мистеромъ Н. призракъ отца,— лихого капитана „Аэры"; и колыхнувшись влѣво и колыхнувшись вправо, —загрохоталъ: „Щенокъ... Неужели родили тебя только для карточныхъ домиковъ. Кисляй!.."

Тысячепудовымъ камнемъ сплющили черти разорванную кошмаромъ душу мистера Н,—и въ эту самую ночь кто-то видѣлъ, какъ гдѣ-то пролетѣли, кружась, въ замогильную темень игральныя карты; пролетѣли, трепыхаясь стаей испуганныхъ чаекъ...

А утромъ,—расплакавшимся горестно утромъ осеннимъ,—случилось невѣроятное событіе: мистеръ Н пробарабанивъ два-три аршина предопредѣленныхъ ему тысячъ и сотенъ,—вдругъ барабанить пересталъ, задумался, заерзгалъ на отъ вѣка просиженномъ стульчикѣ, затѣмъ прошепталъ кому-то: „Кисляй" и разсѣянно улыбнувшись,—разсѣянно же опрокинулъ чернильницу на дѣвственныя ланиты очередной вѣдомости: пролилъ и ушелъ домой, тоже крайне разсѣянно: онъ думалъ о чемъ-то...

Это случилось ровно въ одиннадцать часовъ.

А въ половинѣ перваго:

задребезжала скандально дверь въ вестибюлѣ солидной банкирской конторы: отполированная дверь съ матовыми рябыми стеклами, съ хрустальными гранеными ручками, съ непроницаемымъ для толпы швейцаромъ: и черезъ двѣ-три секунды эффектно-оголтѣвшій бухгалтеръ подпрыгнулъ за своей конторкой такъ, что безлицые клерки увидѣли, кромѣ стеклянныхъ ушей,—и остренькій носикъ, придавленный тяжестью старомодныхъ очковъ, и испуганно разорванный ротъ; а въ немъ—лиловыя горки десенъ съ руинами обугленныхъ зубовъ...

Когда же и огромный знакъ вопроса въ выпученныхъ бухгалтерскихъ глазкахъ разглядѣли учтиво-безлицые,—все отдѣленіе солидной банкирской конторы мгновенно повернулось на своихъ отъ вѣка просиженныхъ стульчикахъ, и тихо, но выразительно ахнуло... У двери стоялъ мистеръ Н. Камнемъ торчалъ у двери мистеръ Н, и скверно улыбался: такъ это, знаете ли,—нахально-принахально...

А въ солидной банкирской конторѣ совсѣмъ уже недопустимо запахло спиртомъ.

Подаривъ бухгалтеру и клеркамъ пять минутъ на созерцаніе своей физіономіи и своего новаго костюма: высокихъ сапогъ, просмоленной блузы и возрастомъ крайне почтеннаго кэпи,—мистеръ Н преспокойно задемонстрировалъ и другія, столь же скандальныя вещи: вытащилъ кусокъ отмѣннаго лоцманскаго табаку, запихалъ его въ ротъ и артистически сплюнувъ прямо на дорожку, почтительно ведущую въ кабинетъ главы карточныхъ домиковъ,—снова скверно-прескверно заулыбался... такъ это нахально, знаете ли... неучтиво... ужасно...

Когда два полисмена: возглавлявшій и замыкавшій шествіе мистера Н по городу, растерялись подъ глазками какой-то обольстительной цвѣточницы,—мистеръ Н улепетнулъ невиданно—ловко; и скоро кабачки многошумной и суетливой гавани такъ широко и радушно распахнули свои двери передъ мистеромъ Н, что, повѣрьте,—даже автору не удалось выяснить; въ какой изъ обителей этихъ спасался въ тотъ день мистеръ Н; кто это тогда такъ игриво хихикалъ у него на колѣняхъ,—и, наконецъ, какъ усѣлся подъ мечтательное око поэта безплоднаго столь вульгарный багровый синякъ...

Цѣпкій вечеръ настигъ мистера Н на мосту,—на томъ самомъ мосту, что мертвою хваткой душилъ мноводную дельту рѣки. По нему пробѣгая, трясся отъ пронизывающаго вѣтра вечерній городъ.

Вечерній городъ трясся мгновеннымъ свѣтомъ облизывая, высунутымъ изо всѣхъ скачущихъ оконъ,—стальной переплетъ моста.

Издалека выли сирены; тамъ же кто-то ввинчивалъ въ черную воду дрожащіе огненные винтики; а подъ мостомъ ухали по наковальнѣ—безумные кузнецы: сыпались искры и, захлебываясь въ слякоти ночи туманной,—меркли.

Зализанный свѣтомъ мистеръ Н тоже безвольно протрясся по мосту,—и канулъ въ предмѣстья, незамѣтно и просто, какъ тысячи мистеровъ Н и не Н; какъ всѣ...

. . . .

Мистеръ Н канулъ безслѣдно; канулъ навѣки,—и, повѣрьте, даже авторъ не знаетъ: долго ли, гдѣ и какъ сживался онъ съ ролью своей, навязанной ему кѣмъ-то...

А конецъ?..

Конецъ?..

Въ ту же ночь мистеръ Н былъ зарѣзанъ въ дракѣ пьяными кочегарами.

Юлій Хожалкинъ.

Россіи.

Чаянія
Твои изрыгаютъ нѣдра,
А ты подъ ножъ
Подставляешь животъ съ отчаянія...

Еще зачатья
Будутъ на красномъ ложѣ,
Еще роды...

Твои щедро
Тѣла богатства
Раздѣлить надо во имя братства...

Скоро
Къ сосцамъ твоимъ присосутся,
Какъ братья,
Новыя своры
Народовъ...

Еще не одна революція
Нянчится будетъ въ твоей зыбкѣ...

Пламени море
Съ твоихъ кровель
Кинется звѣремъ
На небоскребовъ
Ржавыя спины...

Изъ твоего чрева,
Изъ твоего ада,
Пьяному кровью
Міру вынутъ
Новую дщерь,
Новую Еву...

Ахъ,
Первая, Россія, ты
Вчерашнюю
Сдобу
Исторіи
Съ высоты башни
Анафемѣ предала...

Взмахъ
У какого косца при косьбѣ больше?..

Развѣ не ты
Поганую въ жертву овцу,
Изъ поганаго стада,
Отцу
Принесла?..

Развѣ не ты
Побѣжденная
Побѣдительницей съ поля
Бѣжала брани?..

О, доколѣ-же,
Россія, доколѣ,
Пламенемъ ослѣпленные
Не увидятъ, что нѣдра твои изрыгаютъ чаянія!

1918 г.

* * *

Тѣло свѣсили съ крышъ
Въ багряной машкерѣ арлекина,
Сердце расклеили на столбахъ
Кусками афишъ
И душу, съ цѣною въ рубляхъ,
Выставили въ витринахъ.

1917 г.

* * *

Развѣ прилично, глупая,
Въ нашъ вѣкъ фабричной трубы
Подагры и плѣши,
Когда чувства, какъ старыя дѣвы скупы,—
Цѣловаться такъ бѣшенно
И, какъ лошадь вставать на дыбы!

1918 г.

Эпитафія.

Прими меня почившаго въ бозѣ,
Дай—міръ Твой хваленый!..
Я—какъ капусты кочанъ
Оставившій, вдругъ, огородъ
На которомъ возросъ;
Я—какъ пугливый звѣрь
Покинувшій сѣнь дубравы;
Я—какъ овечій
Хвостъ,—
Но все-же:
За ласки прекрасныхъ женъ
Недоступныя мнѣ теперь;
За вино, что не будетъ течь
Болѣ въ мой ротъ;
За сыръ козій
Отнятый у меня не по праву;
За погостъ съ черной землей
Вмѣсто цвѣтущаго сада
Мнѣ данный—Боже,
Требую я награды:
Дай мнѣ хваленый міръ Твой.

Эльзѣ фонъ-Модрахъ.

Изъ сердца въ ладоняхъ
Несу любовь.
Ее возьми—
Какъ голову Іоканана,
Какъ голову Олоферна...
Она мнѣ, какъ революціи—новь,
Какъ ножъ гильотины—
Марату,
Какъ Евѣ—змій.
Она мнѣ, какъ правовѣрному—
Стихъ
Корана,
Какъ, за Распятаго,
Іудѣ—осины
Сукъ...
Всего кладу себя на огонь
Устъ твоихъ,
На лиліи рукъ.

1916 г.

* * *

И опятъ у проходящихъ индивѣлъ
На рѣсницахъ вечерній блудъ,
И опять на мое распластанное тѣло
Городъ наступилъ, какъ верблюдъ,
И опять небо синѣло,
Какъ эмалированное блюдо.

1917 г.

* * *

Милая,

Нѣжности ты моей

Побудь сегодня

Козломъ отпущенія!

Анатолій Маріенгофъ.

Скакъ.

Видишь... заходитъ солнце.

Не люблю когда уходитъ свѣтъ... Не вижу, но чувствую...

Вотъ лучъ... Вотъ у меня на ладони... Лижетъ меня, лижетъ, какъ раньше мои бѣлыя козы... Раньше, давно...

Лучъ бывалъ здѣсь, пробирался сквозь щели, когда глаза мои видѣли.—

Каждый вечеръ,—полыни горькой, нашей, степной я жду друга, ловлю...

Лучъ ощупываетъ меня теплыми, теплыми пальцами, гладитъ.

Нѣтъ друзей у Скака, ушли куда-то, куда-то. Лучъ одинъ.

Слышишь, тихо, тихо...

Степь наша заснетъ скоро.

Лучъ ушелъ, видишь, скажи...

Ты зрячій...

Смотри, смотри, вонъ луна, тамъ—за желтой горой. Ой, ой боюсь черной.

Луна тянетъ, ласкаетъ, манитъ, какъ мачиха чужого ребенка въ минуту нѣжности.

Ты не знаешь Скака. Пришелъ погадать... говорили тебѣ, говорили: Гадаю...

Черное пятно будетъ гдѣ-нибудь у тебя, послѣ, на тѣлѣ, на всю жизнь...

Смотри, бойся...

Старый Скакъ не обманываетъ... Правду скажетъ, всю правду скажетъ...

Пришелъ—когда луна.

Луна уставилась на слѣпого Скака, луна—влюбленная въ стараго.

Съ неземнымъ, мертвымъ блескомъ глаза Скака загорѣлись, вспыхнули.

Гадать, гадать хочешь?

Скакъ дрожитъ. Лицо передергивается судорожно. Идетъ по шалашу, шаритъ что-то по стѣнкамъ, спотыкается. Голова трясется, какъ листъ послѣдній, осенній на деревѣ. Беретъ съ длинной шеей, съ тремя жильными струнами грязную, сальную бандуру. Садится на корточки, бѣгаютъ пальцы, какъ мыши.

Заныли струны что-то тягучее, безконечное, хватающее прямо за душу. Слѣпой подвываетъ струнамъ.

Луна, луна злая, черная... Хочешь, разскажу тебѣ старую, старую сказку.

Старую, какъ наша степь... Съ полынью, ковылемъ, свистящими сусликами.

Вонъ, желтая гора... видишь, видишь. Три брата несли гору. Оттуда—гдѣ солнце встаетъ. Несли... устали... Младшаго держать оставили... Черный злой, попуталъ его: согрѣшилъ, съ женщиной. Мѣтнула глыбу гора, придавила...

Сходи, посмотри. Внизу горы много крови, много крови—крови грѣшнаго брата...

Увидишь.

Старшіе братья дальше гору, понесли дальше. Средній братъ, говорятъ,—согрѣшилъ; и гора мѣтнула другой глыбой, придавила.

А старшій понесъ дальше, туда понесъ, туда...

Согрѣшитъ и онъ, не донесетъ горы. Согрѣшитъ все равно. Согрѣшитъ.

Скакъ плачетъ. Слезы текутъ по рябому, грязному лицу.

Бѣдный, несчастный согрѣшилъ Скакъ давно, давно... Богатъ былъ, табуны верблюдовъ, барановъ,—большой начальникъ былъ... Черный, злой попуталъ,—Богъ наказалъ: свѣтъ взялъ, свѣтъ взялъ—за что, не знаю.

Скакъ рыдаетъ тѣломъ. Струны рвутъ душу, плачутъ.

Богъ наказалъ, Богъ наказалъ...

И братьевъ двухъ, и братьевъ, и меня...

Зубы стучатъ у старика. Луна со своимъ мертвымъ свѣтомъ сѣла въ облака. Скакъ стихъ, успокоился, глаза тускнѣютъ.

Хочешь тебѣ скажу, скажу... Ой, много я говорилъ, много... Черное пятно будетъ... Будетъ не вру... Въ жизни тебѣ будетъ все, что захочешь.

Все, все.

Струны говорятъ, говоритъ луна.

Вѣришь, вѣришь, нельзя не вѣрить старому Скаку.

Бренчитъ и разсказываетъ.

Прошлое, настоящее, будущее. И вѣрно все. Голосъ тоскливый, далекій, какъ сама степь, сливается гдѣ-то тамъ со степными звуками, полынью, ковылемъ, свистящими сусликами.

И черное хорошо, и свѣтлое хорошо... Все равно... Все равно...

Скакъ бросаетъ бандуру въ уголъ. Жалобно ударилась о земь. Чуть, чуть взвизгнули струны.

Глаза стали совсѣмъ мертвыми, лицо осунулось.

Ни жизни, ни сказки, ни будущаго.

Пахнетъ полынью,—горько даже во рту.

Мертвая, тягучая тишина накрыла степь.

Григорій Колобовъ.

ОСЕНЬЮ ГРУППА ФУТУРИСТОВЪ
ОРГАНИЗУЕТЪ ВЪ МОСКВѢ:

БУМ

со сборомъ на скитъ футуристовъ.

4 p.